

УДК 911.3

ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОТЕНЦИАЛ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ

А. Г. ДРУЖИНИН *

*Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем,
Южный федеральный университет, Россия*

Представлен анализ факторов, тенденций и проблемных ситуаций развития общественной географии (дисциплины в системе географического знания, сфокусированной на изучении пространственных детерминант и закономерностей развития общества и его обособленных компонент и структур) в России в XXI веке. Особое внимание уделено кадровому составу российской общественной географии и его локализации. Осуществлена инвентаризация приоритетных направлений общественно-географического анализа. Показаны важнейшие научные и научно-практические достижения российских географов-обществоведов за последние три десятилетия. Охарактеризованы проблемные ситуации и барьеры дальнейшей позитивной динамики исследований в области общественной географии в Российской Федерации и акцентированы задачи и направления по их преодолению.

<https://doi.org/10.46991/PYSU:C.2024.58.2.125>

Keywords: human geography, global changes, priorities of science, Russia.

Введение. Последние три с половиной десятилетия оказались для всего постсоветского пространства периодом масштабных геополитических и социально-экономических потрясений и перемен. Резко активизировалось воздействие трендов глобализации и сопряженных с этим процессом экзогенных “центров силы”. Возникли новые государственные образования, наблюдались перестройка хозяйственных связей и масштабная миграция населения, шла его концентрация в немногочисленных “полюсах роста”. Трансформировались и переформатировались (в том числе в общепланетарном, в евразийском масштабах) разноуровневые центрo-периферийные территориальные социально-экономические структуры. Деградировали, оказались реструктурированы и вновь, уже на рыночной основе, воссозданы производственные комплексы (кластеры), радикально видоизменив всю архитектуру экономического районообразования. Возросли территориальные диспропорции и неравенство, инициируя практическое “обезлюдивание” обширнейших территорий. Оформились новые политико-географические

* E-mail: alexdr9@mail.ru

рубежи и усилилась их барьерность; рельефно высветились ареалы латентных и фактических этно- и геополитических конфликтов. Все эти процессы демонстрировали четко выраженный пространственный, географический аспект, ставя перед социально-экономической географией (уже с конца 1980-х последовательно рассматриваемой как ветвь географической науки, ориентированная на исследование всех без исключения сфер общества в целом [1]) обширнейшие все новые и новые научно-теоретические и практико-прикладные задачи, инициируя ее эволюцию в общественную географию, предопределяя одномоментность расширения интеллектуальных заимствований в рамках расширения международных связей и партнерств (к чему неизменно призывали лидеры науки [2–5]) с “регионализацией” и “национализацией” исследований и их последующих теоретических и геоидеологических интерпретаций.

Цель статьи – раскрыть современное состояние российской общественной географии (определяемой как часть системы географических наук, нацеленная на изучение пространственных аспектов экономических, социальных, демографических, этнических, культурных и политических структур и процессов на всех таксономических уровнях: от глобального до локального), опираясь на предыдущие наработки автора [6–8], фокусируя внимание на ее динамике в XXI столетии (особенно с рубежа 2014–2015 гг.); показать проблемные ситуации развития данной научной дисциплины (и соответствующего национального исследовательского сообщества), очертив научно-тематические и научно-организационные приоритеты.

Материалы и методы исследования.

Российское общественно-географическое профессиональное сообщество, его кадровый состав и локализация. Период жесткого общесистемного социально-экономического кризиса 1990-х гг. в России оказался ознаменован эрозией ранее доминирующих политико-идеологических и методологических установок в общественной географии и деградацией действующих в ее предметном поле научных коллективов. Этот негатив сочетался с ускоренным формированием новых областей и сфер исследования (о чем несколько позже), а также с активным осмыслением теоретических подходов, научного инструментария и новых пространственных реалий профессионально сформированными еще в советский период (благодаря нашим учителям, поколению, чья активность в 1970–1980 гг. можно уверенно охарактеризовать как “золотой период” для отечественной географии) поколениями 30–40-летних экономико-географов. Характерно, что именно в 1990-е годы докторские диссертации по специальности “экономическая, социальная и политическая география” (в тот период именно таким было официальное наименование нашей науки) защитило 34 гражданина РФ (С.С. Артоболевский, В.А. Колосов, В.Н. Лаженцев, В.М. Разумовский, А.Г. Дружинин, А.Н. Пилясов и др.); абсолютное большинство из них и поныне успешны в профессии.

В 2000-е годы данный тренд протекал по нарастающей: за 2001–2010 гг. статус доктора географических наук обрели 58 российских географов-обществоведов (помимо этого, некоторые коллеги защищали свои диссертации по экономике, культурологии и политологии). Во-многом благодаря осязательному

приросту числа студентов в вузах (за 1995–2000 гг. их число по данным Росстата в целом по РФ выросло в 1,46 раза, в 2001–2010 гг. увеличившись еще в 1,73 раза) заметно активизировался процесс защиты кандидатских диссертаций (в “пиковые” в отношении производства кадров высшей квалификации 2003–2012 гг. усредненно за год имело место появление 55 новых кандидатов географических наук по нашей научной специальности). В итоге, уже к началу 2010-х общая численность российских географов-обществоведов совершенно обоснованно оценивалась в диапазоне 700–800 человек [9].

Последующий период характеризовался общим сокращением институциональной и общеэкономической базы поступательной динамики численности российского общественно-географического сообщества (РОГС), равно как и появлением “антистимулов” (предоставление диплома об окончании аспирантуры без подготовленной к защите диссертации) и барьеров (ужесточение критериев формирования диссоветов и защиты диссертаций, в особой мере – на соискание степени доктора наук) для воспроизводства кадров высшей квалификации. Как итог, после 2015 г. в РФ успешно защищены лишь 9 докторских диссертаций по “экономической, социальной, политической и рекреационной географии” (т.е. с середины “нулевых” годов число защит докторских сократилось семикратно!). Аналогичным (с несколько меньшей интенсивностью) оказался тренд по уменьшению кандидатских диссертаций [10]. В подобных условиях актуальную предельную численность РОГС можно оценить в примерно в 1000 человек (при том, что в реестре членов АРГО 595 членов, а в конференциях АРГО с различной периодичностью участвует 250–350 человек). Цифра эта в целом стабильна и в среднесрочной перспективе, скорее всего, будет наблюдаться лишь ее некоторое сокращение.

Локализация РОГС может быть охарактеризована как рассредоточенная с одновременным четким проявлением концентрации в отдельных (прежде всего традиционных, столичных) научно-образовательных центрах страны. Институционально оформленные коллективы (число которых сокращается [11]), либо отдельные представители нашей профессиональной корпорации представлены не менее чем в 40 российских городах (в их числе Барнаул, Белгород, Биробиджан, Благовещенск, Брянск, Владивосток, Владикавказ, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Казань, Калининград, Краснодар, Красноярск, Курск, Кызыл, Москва, Новосибирск, Оренбург, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов, Симферополь, Смоленск, Ставрополь, Тамбов, Тверь, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Уфа, Чита, Ханты-Мансийск, Якутск и др.). Около четверти РОГС сосредоточена при этом в Москве и Санкт-Петербурге (при ошутимом превалировании общефедеральной столицы). Феноменом последних лет стала аффилиация ряда специалистов в вузах и НИИ одновременно двух-трех городов, что иллюстрирует межрегиональную интеграцию в нашем профессиональном сообществе, создает ее новый формат и стимул.

Дискуссии и обсуждения.

Приоритетная тематика современной российской общественной географии: традиция и новации. Общественно-географические исследования

в современной России являются результатом нескольких одновременно действующих процессов.

Во-первых, это воспроизводящиеся сюжеты, установки и подходы советского периода с акцентом на позднесоветскую тематику (геоурбанистика, изучение миграций, политическая география, география туристско-рекреационной сферы, социально-экономическая география Мирового океана и др.).

Во-вторых, за три десятилетия уже широко укоренившаяся практика восприятия и тиражирования зарубежных инструментальных приемов, концептов, идей.

В-третьих, продолжающаяся диверсификация общественно-географического знания (развитие науки “в ширь”, как это определял ранее Ю.Г. Саушкин [12]), в том числе и как ответ на геополитические и социально-экономические изменения (так, в частности, непосредственно с начала 1990-х тематика общественной географии пополнилась исследованиями электоральной ситуации, географии рыночных реформ, банковской сферы и т.п.). Следует отметить, что именно в подобном русле уже после 2000 г. в России фактически сформировались такие направления как лимология (наука о границах), исследования трансграничных структур и процессов, география высших учебных заведений, география инноваций, география крупного бизнеса, география образа и качества жизни.

Радикальная (после 2014 г.) смена геополитических условий развития РФ, равно как резко актуализированная потребность в информатизации научного процесса усилили значимость геополитики, привели к возвращению в исследовательскую повестку военной географии, потребовали “муниципализации” общественно-географического анализа, способствовали появлению цикла работ, посвященных пространственным аспектам применения информационных технологий, развития искусственного интеллекта и т.п. В последние годы спектр проводимых российскими географами-обществоведами исследований пополнился и ментальной географией.

К числу важнейших научных достижений российской общественной географии в 2015–2024 гг., полагаю, могут быть отнесены:

- исследования границ и трансграничных структур (применительно к России), а также феномена постсоветских “непризнанных государств”;
- обоснование сопряженности развития городов и тяготеющей к ним периферии в процессе анализа миграций, исследования сезонной пульсации населения в пределах крупнейших агломераций;
- развитие теории и практики туристско-рекреационной деятельности;
- теоретические подходы и практические разработки в области федерального регулирования пространственного развития;
- анализ влияния геоэкономических и геополитических процессов в современной Евразии на пространственное развитие РФ;
- формирование подходов в области географии инноваций;
- разработка тематики конфессиональной географии;
- выявление “сдвига к морю” хозяйства и населения в современной России, обоснование его экономико-географических причин и следствий;

- общественно-географические аспекты устойчивости территорий к внешним ограничениям и шокам (пандемия COVID-19, СВО на Украине и введенный Западом режим экономических санкций), включая соответствующую типологию и оценку;
- географическое изучение современных ИТ коммуникационных технологий (включая платформенную экономику), становление информационно-сетевой географии.

Приведенный перечень охватывает первостепенные и наиболее резонансные реализованные новации, но не является ни окончательным, ни исчерпывающим, поскольку продолжающаяся дифференциация общественно-географического знания сочетается с привнесением в исследовательское поле все новых и новых актуальных тем и сюжетов.

Первостепенные проблемы современной российской общественной географии и приоритеты ее развития. Проблемы, с которыми сталкивается современная российская общественная география весьма масштабны и носят безусловный системный характер.

“На поверхности” лежит характерное для всего последнего десятилетия суженное воспроизводство кадров высшей квалификации и фактическое размывание профессионального сообщества в процессе перепрофилирования бывших университетских кафедр экономической (социально-экономической) географии. Детерминантой этого процесса выступает и отсутствие (даже в ведущих, наподобие МГУ, вузах России) собственного (по социально-экономической географии) самостоятельного направления подготовки студентов. Впрочем, за пределами столичных городов спрос на специалистов с квалификацией “географ” ничтожен, если, конечно же, речь не идет о потенциальных школьных учителях. В результате естественным образом постепенно выхолащивается научная компонента высшего географического образования, деградирует общая (чрезвычайно необходимая географу-обществоведу) культура пространственного мышления и анализа, нарастает дефицит обществоведческих знаний и компетенций (профессиональный географ-обществовед обязательно должен “по совместительству” быть либо экономистом, либо политологом, либо социологом, либо культурологом, сохраняя при этом общегеографический “стержень”, заключающийся прежде всего в пространственном мышлении).

Дистанцируясь от сфокусированного исследования пространственных структур, отношений и процессов (своей основной, эксклюзивной задачи), географы-обществоведы стремятся предельно расширить собственное предметно-объектное поле, выходя на решение вопросов экономики, социологии, демографии, культурологии, политологии, этнологии. Это порождает иллюзию “развития науки”, но во многих конкретных ситуациях сводит к минимуму исследовательский результат (из-за повсеместно проявляющегося эффекта “изобретения велосипеда”, причем, подчас – с далеко не идеально круглыми колесами).

Не привнося в общественное знание инструментально выверенный, соответствующий меняющимся реалиям пространственный анализ, общественная география неизбежно скатывается на периферийные позиции в этой наиболее

приоритетной межпредметной сфере, теряя к себе интерес (со стороны других наук и общества в целом) и, параллельно, импульс к развитию, т.е. маргинализируется. Не отвечая на вопрос (глубинно и внятно, в продуктивном взаимодействии с другими обществоведческими дисциплинами) как в пространстве развивается общество, общественная география закономерным образом продолжает оставаться на второстепенных ролях (а для России – это, увы, данность, традиция) и в системе собственно географического знания, где по всем значимым аспектам (университетские кафедры, финансирование, членство в РАН и др.) сохраняется чрезвычайно выраженная асимметрия в пользу физико-географических дисциплин.

На этом фоне с середины 2010-х вновь формируется (во-многом пока еще латентный) запрос российского общества на фундаментальный и полимасштабный анализ собственного пространства, направлений его развития, на обновленное, в существенно большей чем ранее мере ориентированное на сопредельные евразийские государства страноведение и, соответственно, предпосылки для нового “витка” активизации общественно-географических исследований. Сохраняющийся с 2022 г. ситуационный контекст в еще большей мере инициирует очередные (фактические и грядущие, гипотетические) изменения в российской общественной географии.

Отвечая на внешние вызовы, российская общественная география оказывается вынужденной решать все возрастающий объем научно-исследовательских задач (в том числе новых, ранее игнорируемых), ускоренным образом переосмысливая собственные тематические приоритеты и методологические основания, концентрируясь на пространственных подходах, предельно активно идя на междисциплинарные контакты и преодолевая, в этой связи, негативное влияние эффекта собственной “свеживающейся концентрации” и дезинтеграции.

В числе приоритетных следует рассматривать следующие направления (сферы приложения сил) российской общественной географии:

- фокусировка внимания на междисциплинарные пространственные аспекты бытия Человека (в многообразии его свойств и характеристик, включая ментальность, здоровье, экологию и др.), что выводит на исследовательскую авансцену вошедшую в научных обиход еще в 1980-е гг. категорию “территориальная общность”, одну из ключевых в общественно-географическом анализе.

- Экономика, в том числе ее современные секторы (наука и научно-исследовательские разработки, IT-сектор, биомедицина и соответствующие услуги и т.п.) с неизбежной дальнейшей “экономизацией” общественной географии. Самостоятельного внимания заслуживает здесь внутренний (по России) туризм в увязке с транспортной и иной инфраструктурой, а также природным потенциалом и культурно-историческим наследием.

- Новое интегральное социально-экономическое районирование России в связи с идентификацией реальных и потенциальных межтерриториальных центров (организаторов и интеграторов пространства) на общероссийском и региональном уровнях в рамках решения более общей и емкой междисциплинарной задачи – формирования стратегии пространственного развития РФ.

• Предельно пристальное внимание к геополитическим детерминантам пространственного развития, к рассмотрению общественно-географических структур и процессов под углом российских государственных реалий интересов, а также взаимодействия (в том числе конфликта) цивилизаций. В этой же связи необходимым видится ренессанс военно-географической тематики (в ее социально-экономических и этнокультурных аспектах).

• Формирование целостного взгляда на российское пространство (встроенного в евразийский контекст), включая методологически необходимый переход к пониманию географических дихотомий (город–село, суша–море, горы–равнина, север–юг и т.п.) как фактора не только фрагментации территорий, но и предпосылки их интеграции.

Основная задача современной российской общественной географии состоит при этом в реализации некой “триады интеграционных приоритетов”.

1. *Повышенное внимание к факторам и структурам интеграции российского (а также евразийского) пространства:* центрам интеграции, фактическим “большим пространствам” (в том числе “Большой Евразии”), интеграционным возможностям дихотомий пространственной организации общества (центр–периферия, город–село и др.).

2. *Интеграция подходов и тематики в общественной географии:* достижение синергетического эффекта в сопряженности необходимых процессов экономизации, социологизации (гуманизации, культуризации), геополитизации и экологизации науки.

3. *Интеграция общественно-географических идей и исследовательских сообществ на личностном, групповом, региональном, национальном и международном уровнях.*

Заключение. Концентрируясь на изучении наиболее обширного по площади и предельно сложного, внутренне неоднородного географического объекта (российской аква-территориальной социально-экономической системы) и опираясь на фундаментальную исследовательскую традицию, общественно-географическое сообщество в РФ сохраняет потенциал своего поступательного тренда, продолжая расширять и обновлять научную тематику, модифицируя исследовательский инструментарий. Имеет место (в том числе благодаря “фактору АРГО”) и более четкое конституирование в нем “общественно-географической идентичности”, сочетающееся с укреплением внутривидовой коммуникации и координации (с элементами кооперации). Особо актуальна задача формирования обновленной архитектуры международных партнерств с учетом современных геополитических реалий и общего сдвига социально-экономической и в перспективе научно-интеллектуальной активности на “глобальный Юг”, в государства востока, юга и юго-востока Евразии. Значимое, привилегированное место в последней, уверен, сохраняют выстроенные многолетним позитивом совместной истории контакты российских географов-обществоведов с коллегами из Армении.

Поступила 21.05.2024

Получена с рецензии 07.06.2024

Утверждена 15.07.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарыгин М.Д. Общественная география в России: тернистый путь развития. *Географ. вестник* **2** (2017), 17–25.
2. Лавров С.Б., Агафонов Н.Т. Теоретические споры и некоторые научно-практические задачи экономической географии. *Изв. Всесоюзного географ. общ-ва.* **2** (1974), 141–149.
3. Котляков В.М. Географическая наука на пороге 90-х годов. *Изв. АН СССР. Серия географическая* **4** (1990), 5–16.
4. Колосов В.А., Мироненко Н.С., и др. Российская общественная география первой половины 90-х годов. *Изв. АН СССР. Серия географическая* **3** (1996), 7–22.
5. Исаченко А.Г. География в XX столетии (о некоторых расхождениях в оценке событий и достижений). *Изв. Рус. географ. общ-ва* **5** (2000), 20–28.
6. Дружинин А.Г. Российская общественная география начала XXI века: старые проблемы, новые вызовы. *Экономико-географ. вест. Юж. Федеральн. универ.* **5** (2008), 3–9.
7. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты. *Балтийский регион* **2** (2015), 127–140.
<https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-2-9>
8. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: современные вызовы и опыт прошлого. *Географ. вестник (Geographical bulletin)* **2** (2022), 17–33.
<https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-17-33>
9. Трейвиш А.И. Как нас теперь называть (о содержании и наименовании нашей науки). *Социально-эконом. географ. Вестник АРГО* **1** (2012), 5–19.
10. Агирречу А.А. Институциональная структура защит кандидатских и докторских диссертаций по географии. *Изв. РАН. Серия географ.* **3** (2018), 117–128.
<https://doi.org/10.7868/S2587556618030123>
11. Попкова Л.И., Казаков С.Г., Степанов М.А. Вузовская общественная география: инерция или обскурация. *Социально-эконом. географ. Вестник АРГО* **8** (2019), 73–80.
12. Саушкин Ю.Г. *Экономическая география: история, теория, методы, практика.* Москва, Мысль (1973), 559.

Ա. Գ. ԳՐՈՒԺԻՆԻՆ

ՍՈՑԻԱԼԱԿԱՆ ԱՇԽԱՐՀԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ
ՌՈՒՄԱՍՏԱՆՈՒՄ.
ՊՈՏԵՆՑԻԱԼ ԵՎ ՉԱՐԳԱՑՄԱՆ ԳԵՐԱՀԱՅՏՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հոդվածում ներկայացված է Ռուսաստանում XXI դարի սոցիալական աշխարհագրության զարգացման գործոնների, միտումների և խնդրահարույց իրավիճակների վերլուծությունը (աշխարհագրական գիտության համակարգում հատուկ դիսցիպլին, որը կենտրոնացած է հասարակության և նրա առանձին բաղադրիչների և կառուցվածքների տարածական որոշիչների և օրինաչափությունների ուսումնասիրության վրա): Հատուկ ուշադրություն է դարձվել Ռուսաստանի սոցիալական աշխարհագրության անձնակազմին և տեղայնացմանը: Կատարվել է սոցիալական աշխարհագրության վերլուծության առաջնահերթ ոլորտների գույքագրում: Ցուցադրված են ռուս աշխարհագրագետների և հասարակագետների կարևորագույն գիտական և գիտագործնական ձեռքբերումները վերջին երեք տասնամյակների ընթացքում:

Բնութագրվում են Ռուսաստանի Դաշնությունում Մարդկային աշխարհագրության ոլորտում հետազոտությունների հետագա դրական դինամիկայի խնդրահարույց իրավիճակներն ու խոչընդոտները և ընդգծվում դրանց հաղթահարման խնդիրներն ու ուղղությունները:

A. G. DRUZHININ

**HUMAN GEOGRAPHY IN MODERN RUSSIA:
POTENTIAL AND DEVELOPMENT PRIORITIES**

Summary

The analysis of factors, trends and problematic situations of the development of Human Geography (a special discipline in the system of geographical science focused on the study of spatial determinants and patterns of development of society and its separate components and structures) in Russia in the XXI century is presented. Special attention is paid to the personnel of the Russian Human Geography and its localization. An inventory of priority areas of human-geographical analysis has been carried out. The most important scientific and scientific-practical achievements of Russian human geographers over the past three decades are shown. The problematic situations and barriers to further positive dynamics of research in the field of Human Geography in the Russian Federation are characterized and the tasks and directions for overcoming them are emphasized.